

Глава 600: Вместе с утра до ночи

«Я недавно узнал, что Принцесса Пин - приемная дочь императрицы, но я могу предположить, что многие люди, особенно люди в столице, давно знают об этом факте. Что касается остальных, ни Принц рода Сян, ни Принц рода Чжуншань не имеют с Императрицей кровной связи, и у нее нет своего наследника, так что эти легенды о том, что она бросила вызов небесам и изменила судьбу, начали распространяться по миру».

Чэнь Чаншэн смотрел на прекрасные реки и горы, спокойно продолжая: «Но люди забыли кое-что очень важное. Если эта легенда верна, то пока Наследный Принц Чжаоин все еще жив, изменение судьбы Императрицы не достигло успеха, или по крайней мере не было завершено».

Сюй Южун подумала о странных движениях в столице за последние несколько лет и о том, что главный евнух Имперского Дворца всегда изучал в тайне. Ее грациозные брови немного нахмурились, когда она сказала: «Это не имеет смысла».

Чэнь Чаншэн знал, что она имела в виду. Божественная Императрица уже правила более двухсот лет. Если ее изменение судьбы не достигло успеха, как она смогла взойти на имперский трон?

«Если бросание вызова небесам и изменение судьбы не мгновенное событие, а длительный процесс, подобный реке, то это имеет смысл. У Божественной Императрицы могла быть скрытая опасность, о которой никто не знал. Существование Наследного Принца Чжаоина для нее было величайшей опасностью».

Чэнь Чаншэн посмотрел на нее и сказал: «Если я - Наследный Принц Чжаоин, то мое существование - наиболее опасное для Императрицы, так что она, естественно, захочет убить меня».

Навыки дедукции Сюй Южун были невероятно сильны, так что она, естественно, не упустит и малейшую область сомнений. Она спросила: «Если ты действительно Наследный Принц Чжаоин, почему Директор Шан отправил тебя в столицу? Может быть, ее не беспокоило, что Божественная Императрица осознает твою идентичность? Он и Поп, казалось, даже не пытались скрыть твою идентичность, как будто они намеренно хотели, чтобы Императрица знала о твоём существовании».

Любая проблема не могла выстоять против тщательного изучения, и даже отсутствие проблемы само по себе поднимает свою бурю вопросов. Чэнь Чаншэн неуверенно сказал: «Потому что я намного моложе, чем Наследный Принц Чжаоин, так что...»

Это было очень сильной причиной, а также отговоркой, потому что лишь три человека старого храма деревни Синин знали, сколько ему было лет. Он знал, что будет сложно убедить кого-то этими словами, так что через мгновение сказал: «Если я все еще буду жив, когда мы вернемся в столицу, я непосредственно спрошу Боевого Дядю».

Сюй Южун осмотрела его лицо, но не обнаружила там и малейшего признака тревожности или страха. Когда она увидела то, как он вел этот разговор с таким самообладанием, она подумала, что человек, которого она любила, действительно был исключительной личностью, раз мог быть таким спокойным перед лицом смерти. Ее сердце действовало согласно ее желаниям, а ее действия соответствовали ее сердцу. Она прислонилась к его плечу и прошептала: «Ты определенно выживешь».

Слабый аромат дрейфовал с ее волосами. Чэнь Чаншэн взглянул на нее, думая, что если они

смогут просто продолжать опираться друг на друга, это тоже будет большим счастьем, но ситуация никогда не развивалась согласно собственным желаниям. Юноша думал, что как только Старейшина Небесных Тайн отправит новости в столицу, Божественная Императрица определенно отправит кого-то, чтобы убить юношу и не позволит ему вернуться в столицу живым.

Сюй Южун не поворачивала голову, чтобы посмотреть на его лицо, но она могла отчетливо ощущать его беспокойство: «Пока Императрица не начнет действовать лично, кто сможет убить тебя?»

Повозка Мао Цююй и Линхай Чживана была позади них. Мао Цююй определенно не позволит Чэнь Чаншэну умереть, тогда как, хоть Линхай Чживан и желал смерти Чэнь Чаншэна, он не сможет играть роль беспомощного зрителя под взглядами многих людей. С этими двумя Префектами Ортодоксии на пике Конденсации Звезд рядом с ним, наиболее сильные ассасины найдут трудным приблизиться к нему. Но Чэнь Чаншэн хорошо понимал, что если Божественная Императрица решит убить его, она не пришлет лишь несколько ассасинов, а отправит армию под личным командованием Божественного Генерала. Насколько бы сильным не был Мао Цююй, как он, возможно, сможет защитить его?

Пока он думал об этом, он вдруг заметил красный цветок среди зеленых равнин. Красный цветок мягко покачивался среди зеленых ветвей, иногда он был неподвижен, а иногда двигался. Казалось, что он остановился в равнинах, но он никогда не покидал его область обзора. В действительности же он двигался вперед вместе с несущейся повозкой.

Уже прошло много времени после рассвета, и на растениях равнин уже не было росы, но красный цветок был покрыт росой. Величие красного было внушительным под прекрасным блеском солнечного света.

Юноша в некотором удивлении повернулся к Сюй Южун и неуверенно сказал: «Бе Янхун?»

Сюй Южун кивнула и тоже посмотрела на пустоши вдаль, подмечая: «Гуань Синкэ должен быть в сотне ли от нас».

Чэнь Чаншэн был сбит с толку.

Несколько дней назад, когда Лорд Демонов оказался на Горе Хань, Старейшина Небесных Тайн уведомил различные места в мире. Гуань Синкэ, который был ближе всех, и Бе Янхун, кто был быстрее, прибыли первыми.

Вопреки ожиданиям Чэнь Чаншэна, после того, как Лорд Демонов отступил в снежные равнины, те две могущественные фигуры не только не покинули Гору Хань, а и, как оказалось, сопровождали его в столицу.

Бе Янхун и Гуань Синкэ не были обычными экспертами, они были верховными экспертами Божественного Домена, членами Штормов Восьми Направлений. Хоть Чэнь Чаншэн и был будущим Попом, он не был достоин того, чтобы они сопровождали его. Их появление и сопровождение преимущественно демонстрировали пугающую силу консервативной фракции Ортодоксии и Имперского клана, это было их заявление миру.

«У Императрицы всегда было много врагов», - сказала Сюй Южун, глядя на красный цветок в равнинах.

Чэнь Чаншэн думал, что, похоже, сейчас он был врагом, которого Императрица больше всего

желала устранить.

.....

.....

С двумя из Восьми Штормов в качестве эскорта никакая армия Имперского Двора Великой Чжоу не сможет поставить жизнь Чэнь Чаншэна под угрозу. Как и сказала Сюй Южун, пока Божественная Императрица не начала действовать лично, Чэнь Чаншэн сможет очень мирно вернуться в столицу. Конечно же, он также должен был убедиться, что состояние его тела не начнет внезапно ухудшаться.

Текущая ситуация была очень сложной, в ней было много нерешенных загадок и множество опасностей. Сюй Южун через определенные интервалы использовала технику Священного Света на Чэнь Чаншэне, чтобы убедиться, что запах крови в его теле не вырвется наружу. Как результат, она тратила огромное количество духовного чувства, из-за чего ее лицо становилось все более бледным.

Даже так она не отдыхала, спокойно, но бдительно рассматривая пейзажи по пути.

Она распорядилась, чтобы держать Чэнь Чаншэна близко к себе в имперской повозке, не позволяя ему делать и одного шага из нее. Будь это еда, лечение ран, отдых или даже умывание его лица - все это совершалось в повозке.

В то же самое время она не позволяла кому-либо еще входить в повозку. Она лично справлялась со всем касательно Чэнь Чаншэна. Что есть и что пить, когда есть и когда пить, когда он должен спать, когда он должен просыпаться, и даже с кем он должен видеться. Стоит упомянуть, что даже Танг Тридцать Шесть и Чжэсю могли приходить, лишь когда было время для отдыха, и разговаривать с Чэнь Чаншэном с нескольких метров снаружи повозки.

Вечером определенного дня Танг Тридцать Шесть пришел к имперской повозке. Как и днями ранее, он тревожно ждал некоторое время, пока занавес наконец-то не поднялся. После того, как он поговорил с Чэнь Чаншэном всего несколько мгновений, пришла Сюй Южун с миской каши из семян лотоса, указывая, чтобы ученицы Храма Южного Потока опустили занавес.

Через занавес было смутно видно, как Сюй Южун кормит Чэнь Чаншэна кашей. Танг Тридцать Шесть был в ярости и закричал внутрь: «Ты воспитываешь ребенка! Не то, чтобы ты была его матерью!»

Выражения лиц учениц Храма Южного Потока внезапно изменились, зачем последовал звон мечей.

Танг Тридцать Шесть, естественно, не был настолько храбрым, чтобы сталкиваться с массивом мечей Храма Южного Потока. Он возмущенно развернулся и направился в повозку Ортодоксальной Академии.

В первые несколько дней Чжэсю все еще сопровождал его каждый день, чтобы взглянуть на Чэнь Чаншэна. Позже, видя, что с Чэнь Чаншэном не было проблем, у него было мало терпения во взаимодействии с теми женщинами Храма Южного Потока, и он не желал видеть эти сцены в имперской повозке, так что он больше не ходил. Сейчас, видя, как Танг Тридцать Шесть так злобно вернулся и спрашивал причину, он не говорил.

«Ты не находишь это очень странным?» - спросил Танг Тридцать Шесть.

Чжэсю ничего не сказал. Он, естественно, знал, что в этой ситуации были какие-то проблемы, но так как Чэнь Чаншэн настолько доверял Сюй Южун, он лишь мог наблюдать со стороны.

Многие люди находили это очень странным, очень проблематичным. Когда они покинули Гору Хань, многие взгляды никогда не покидали имперскую повозку.

У них всех были весьма странные выражения лиц, когда они думали, что здесь происходило.

Уже прошло много дней, а Святая Дева и Чэнь Чаншэн были в той повозке от утра до ночи. Что же они делали?

В это время многие люди уже смутно догадывались, что они с давних времен были вместе, но они все еще находили невозможным признать, что в любое мгновение они были вместе.

Это никак не было связано с фракциями или позицией.

Они не могли признать, что безукоризненно чистая Святая Дева держала омерзительного мужчину рядом с собой каждый день. Это действительно было весьма отвратительно.

Ученицы Храма Южного Потока иногда видели, как она приносит Чэнь Чаншэну чай или воду, а одна ученица даже лично видела, как она моет тело Чэнь Чаншэна.

Даже если они были вместе, если он был ранен, разве это оправдывало то, что Святая Дева лично прислуживала ему?

Из-за этой ситуации настроение, нависшее над конвоем, было довольно странным, а ученицы Храма Южного Потока были под давлением.

Потому что Сюй Южун была главой их храма, потому что она была наиболее уважаемой и почитаемой Святой Девой, к которой они относились, как к богу.

В ночь того же дня ученица Храма Южного Потока Е Сяолянь отнесла письмо, написанное Чэнь Чаншэном, в повозку Ортодоксальной Академии.